

Чжуан Сяошэн от удивления слегка приоткрыла рот и проговорила:

— Ты же не хочешь сказать, что Даос Сюй действительно мог изменить дату твоего рождения?

Ей вдруг вспомнились несколько романов о перерождении, которые она когда-то читала, и она от испуга подскочила на месте.

— Эр-я! — вскрикнула она.

Ведь прежнее состояние Эр-я было точь-в-точь как у человека без души, и лишь после трех лет она начала постепенно приходить в себя. Это было до боли похоже на сюжеты из книг о попаданцах, чья душа занимает чужое тело. Получается, тело принадлежит ее сестре, а душа — кому-то другому? Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как Чжуан Сяошэн тут же решила, что это бред, но в то же время не могла отделаться от ощущения, что все возможно.

Лу Угуй зевнула и сонно пробормотала:

— Я должна была родиться двадцать пятого числа восьмого месяца. Тринадцатое число седьмого месяца — это даже не полный срок.

Она с трудом разлепила глаза и добавила:

— Сестренка Сяошэн, я спать хочу.

Чжуан Сяошэн уточнила:

— Значит, ты должна была родиться двадцать пятого числа восьмого месяца, но тебя вызвали на свет тринадцатого числа седьмого месяца?

Лу Угуй уже погружалась в полудрему. Сознание ее затуманилось, и она пробормотала:

— Ага, день, когда я умерла, был двадцать пятым числом восьмого месяца. Как раз наступили Холодные росы, поэтому...

Договорить она не успела и крепко уснула.

Чжуан Сяошэн же от этих слов пробрала дрожь. Сон как рукой сняло, а лицо ее мгновенно побелело.

День, когда я умерла, был двадцать пятым числом восьмого месяца, как раз наступили Холодные росы... — эти слова эхом отдавались в ее голове.

Двадцать пятое число восьмого месяца, Холодные росы... Где-то она это уже слышала.

Она знала, что Холодные росы — один из двадцати четырех сезонов, но поскольку сейчас мало кто пользуется традиционным календарем, то... точно, об этом говорил дедушка Ин!

В одно мгновение у Чжуан Сяошэн перехватило дыхание.

Она почти вывалилась из кровати, поползла до ноутбука и полезла в календарь. Она помнила,

как дедушка Ин говорил, что тот год был первым годом кампании по уничтожению четырех пережитков!

На экране компьютера она нашла календарь того года: двадцать пятое число восьмого месяца по лунному календарю действительно пришлось на Холодные росы. Она пролистала еще несколько лет и обнаружила, что в другие годы Холодные росы выпадали на другие даты.

Дедушка Ин рассказывал, что та самая старая ива из обители Баоань, ставшая демоном, сгорела как раз двадцать пятого числа восьмого месяца шестьдесят шестого года.

Чжуан Сяошэн не знала, что ею движет — страх или изумление, но пальцы, стучавшие по клавиатуре, неконтролируемо дрожали. Она обернулась на мирно спящую Эр-я. Та лежала у края кровати, вытянувшись в струнку, а мягкий свет лампы падал на ее лицо, делая сон особенно безмятежным. Глядя на нее, Чжуан Сяошэн никак не могла поверить, что Эр-я — та самая сгоревшая ива-демон, но слова девочки и недавние странности выходили за рамки здравого смысла.

Она долго сидела, откинувшись на спинку стула, но так ничего и не придумала. В конце концов, она никогда раньше не сталкивалась с подобной мистикой. Вспомнив, что дедушка Ин и Ю Цинвэй разбираются в таких вещах, она схватила телефон, но, взглянув на время, заколебалась. Номера дедушки Ина у нее не было, а будить Ю Цинвэй посреди ночи из-за такой чертовщины — она боялась, что та завтра сживет ее со свету. Но ведь на кону жизнь Эр-я...

Поколебавшись, она решилась. Чтобы не разбудить Эр-я, она взяла телефон и ключи, вышла из комнаты и, тихо прикрыв дверь, позвонила Ю Цинвэй.

Через долгое время трубку подняли. Раздался раздраженный голос Ю Цинвэй:

— Я спрашиваю, вы, две сестры, совсем совесть потеряли? Посреди ночи спать не даете! Неужели нельзя подождать до утра? Чжуан Сяошэн, ты жить надоело?

Чжуан Сяошэн глубоко вздохнула:

— Госпожа Ю, у меня очень важное дело, хочу посоветоваться.

Ю Цинвэй ответила:

— Говори. Но если это не что-то чрезвычайное, Чжуан Сяошэн, предупреждаю: ты покойница!

Чжуан Сяошэн начала:

— В общем... госпожа Ю, скажите, есть ли вероятность, что некое существо, ставшее демоном, после того как его сожгли, вселилось в живого человека или переродилось в кого-то?

Послышался обреченный стон Ю Цинвэй:

— Ты больная?

Чжуан Сяошэн продолжила:

— Эр-я только что в бреду сказала, что день ее смерти — двадцать пятое число восьмого месяца, как раз на Холодные росы. Я проверила календарь: только в шестьдесят шестом году двадцать пятое число восьмого месяца пришлось на Холодные росы. В тот день в обители Баоань, где жила Эр-я, как раз сожгли иву, которая, говорят, стала демоном.

Она замолчала, заметив, что на том конце провода стало тихо.

— Госпожа Ю? Вы еще не спите?

Раздался голос Ю Цинвэй:

— Не сплю.

Судя по тону, она окончательно проснулась.

Чжуан Сяошэн спросила:

— Как вы думаете, может ли быть так, что Эр-я услышала эту историю и впала в бред, вообразив себя участницей тех событий?

Ю Цинвэй спросила:

— Ты боишься, что Лу Угуй — это переродившаяся ива-демон или что она одержима ею?

— Есть такая вероятность? — спросила Чжуан Сяошэн.

Наступило долгое молчание.

Сердце Чжуан Сяошэн ушло в пятки.

— Настоящая Эр-я... она умерла в три года, да? — ее собственный голос дрожал.

Ю Цинвэй ответила:

— Если бы малышка была одержима демоном, я бы от радости во сне смеялась. Пара листков талисманной бумаги, обряд — и дело с концом.

Она помолчала и добавила:

— Теоретически, у человека три души и семь начал. Чтобы демон стал человеком, он должен культивировать их все. Та ива, о которой ты говоришь, если и обладала такой мощью, то была древним духом с тысячелетней практикой. Неужели бы она позволила жителям деревни сжечь себя? Даос Сюй даже пальцем бы не успел пошевелить, как она раздавила бы его. Я с детства учусь этому ремеслу и за столько лет ни разу не слышала о подобных демонах.

— Значит, у Эр-я просто бред? — спросила Чжуан Сяошэн.

Снова тишина. Через некоторое время Ю Цинвэй спросила:

— Ты спать собираешься?

— Дать мне четкий ответ так сложно? — возмутилась Чжуан Сяошэн.

Ю Цинвэй вздохнула:

— Скажу так: малышку родили раньше срока, из-за этого ее души и начала неполные. Поэтому с головой у нее не все в порядке, она легко поддается влиянию всяких... ну, всяких штук. Поняла? А если не поняла, скажу научно: развитие мозга нарушено, инвалидность! Поняла?

— Поняла, — ответила Чжуан Сяошэн.

Ю Цинвэй добавила:

— Раз поняла, завтра переведи мне десять тысяч на счет.

Чжуан Сяошэн остолбенела:

— За что?

— За консультацию! Ты разбудила профессионала посреди ночи, неужели бесплатно?

Услышав это, Чжуан Сяошэн быстро повесила трубку.

Через тридцать секунд пришло сообщение от Ю Цинвэй: Из твоей зарплаты вычесть или из зарплаты малышки?

Чжуан Сяошэн поняла: с Ю Цинвэй лучше не связываться.

Она ответила: Госпожа Ю, я бедна, а у Эр-я вообще ни гроша нет.

— Ладно, сделаю скидку, девять тысяч восемьсот!

Чжуан Сяошэн открыла дверь, вернулась в комнату и отправила сообщение: А девятьсот восемьдесят нельзя?

Пришел ответ: Днем ты бы за такую цену даже не подошла!

Чжуан Сяошэн наконец поняла, как работает Бюро Фэн-шуй! Быть шарлатаном — невероятно прибыльное дело! Она долго колебалась, но все же написала: Вычитайте из моей зарплаты, буду платить частями, по тысяче в месяц.

Ю Цинвэй: Тогда с процентами за рассрочку.

Чжуан Сяошэн была готова рыдать, сердце обливалось кровью. Она бросила телефон на тумбочку и легла спать. Только сейчас она вспомнила, что когда Ю Цинвэй проводила обряд для Эр-я и дежурила у них дома двое суток, она не взяла ни копейки. А тут — один звонок, и десять тысяч долой!

Впрочем, хорошо, что с Эр-я все в порядке. Можно вздохнуть спокойно.

Только этим она могла себя утешить.

Глядя на мирно спящую Эр-я, она невольно подумала: если бы тогда в семье нашлись деньги на штраф за лишнего ребенка, сложилась бы судьба Эр-я иначе?

Восемьсот пятьдесят юаней.

Сейчас на эти деньги даже приличную вещь не купишь, а тогда они навсегда изменили жизнь Эр-я.

На следующее утро Чжуан Сяошэн встала на сорок минут раньше, привела Лу Угуй в порядок и отправила ее на работу в Бюро Фэн-шуй.

Раз уж она вчера по глупости потеряла десять тысяч, пусть Эр-я их отрабатывает.

Когда Лу Угуй пришла в бюро, там были только администратор и уборщица. Чтобы не получить штраф в сто юаней, она зажгла три ароматические палочки перед статуей Саньцин, а затем, как велела Чжуан Сяошэн, села на диван в холле и стала читать газету, дожидаясь Ю Цинвэй.

Она просидела так до десяти часов, пока в дверях не появился старик в свободной белой одежде, напоминающей костюм для тайцзицюань, с термосом в руках. Он не спеша налил себе чаю из кулера и только тогда взглянул на Лу Угуй:

— Уважаемая, вы по какому вопросу?

— Жду Ю Цинвэй, — ответила Лу Угуй.

Старик хмыкнул, подошел к ней и спросил:

— Случилось что-то?

Он поднял глаза на Лу Угуй и замер. Присмотревшись, он добавил:

— Позвольте взглянуть на вашу ладонь?

Лу Угуй тут же спрятала руки за спину.

Старик не унимался:

— По лицу вижу, быть вам в большой беде.

Лу Угуй внимательно посмотрела на лицо старика и подумала: «Внешность у тебя неплохая, но дом богатства подкачал. По носу вижу — жадный ты. Хорошо хоть лоб прямой, лицо широкое, благодостный вид компенсирует изъяны». Она добавила про себя: «Должен прожить долгую жизнь и умереть в своей постели».

Видя, что Лу Угуй молчит, старик взял термос, собираясь уходить, как вдруг в дверях показалась Ю Цинвэй.

— Господин Чжоу, это ко мне, — сказала она. — Познакомьтесь, это Лу Угуй. До того как мой дед вернулся в мир, он был соучеником ее деда. Недавно пришла в бюро, будет заниматься внешними заказами.

Господин Чжоу протяжно «о-о-о» и сказал:

— А я думал, клиент пришел.

Он подхватил термос и направился к выходу, но, сделав пару шагов, услышал голос девчонки:

— Ю Цинвэй, ты забрала мой Амулет Жизненной Силы для Усмирения Души, из-за чего я каждую ночь отделяюсь от тела и прихожу к тебе...

Ю Цинвэй кашлянула, прерывая ее:

— Пойдем в мой кабинет.

Старик замер, а потом снова уселся на место:

— Здесь же свои, можно и здесь обсудить.

Ю Цинвэй криво усмехнулась:

— Господин Чжоу, давайте без сплетен?

Старик улыбнулся и промолчал.

Ю Цинвэй медленно произнесла три слова:

— Колодец Желтых Источников.

Господин Чжоу тут же перестал улыбаться, встал и, не оглядываясь, поспешил в свой кабинет, заперев дверь на ключ.

Ю Цинвэй приподняла бровь.

Лу Угуй вдруг показалось, что она поняла выражение лица Ю Цинвэй: «Мелкий ты человечиска, нечего совать нос не в свое дело!»

Лу Угуй с любопытством спросила:

— Почему старик ушел, как только услышал про Колодец Желтых Источников?

Ю Цинвэй встала и неспешно ответила:

— Колодец Желтых Источников связан с миром теней, там кормятся мертвечиной. У этого дела много табу, и человек, которому не хватает судьбы, этим заниматься не сможет. Господин Чжоу и остальные работают с живыми, поэтому они стараются держаться подальше от таких вещей.

Она добавила:

— Когда встретишь их, можешь не обращать внимания. У нас разные сферы деятельности.

— Ты что, заставишь меня спускаться в Колодец? — спросила Лу Угуй.

Ю Цинвэй с брезгливым видом посмотрела на нее:

— Разве мне нужно тебя заставлять?

Она взмахнула веером:

— Идем в мой кабинет.

Кабинет Ю Цинвэй был меньше, чем холл. На полках стояли книги по метафизике и гаданиям, а на стене висел большой иероглиф Спокойствие. Старинная мебель и горшки с соснами придавали помещению особый уют. Ю Цинвэй села в массивное кресло, идеально вписавшись в интерьер, что добавило ее облику еще больше загадочности.

Когда Лу Угуй села, Ю Цинвэй сказала:

— Сейчас уже не найти мастеров, умеющих взвешивать души, иначе я бы сама проверила, сколько их у тебя не хватает.

— У меня все на месте, — возразила Лу Угуй.

Ю Цинвэй тихо рассмеялась, будто услышала забавную шутку. Взгляд ее стал серьезным:

— Я мало знаю о твоих делах, слышала лишь обрывки разговоров моего деда с твоим. Но ты должна понять: если бы твой амулет у меня был во вред тебе, твой дед не позволил бы мне его забрать. Когда мы рядом, твоя душа при отделении тянется к амулету. А если бы он был на тебе, боюсь, никто в мире не знал бы, куда тебя занесет. Здесь же я могу одним талисманом вернуть тебя обратно, обеспечив безопасность.

Лу Угуй поняла: Ю Цинвэй не собирается отдавать амулет. Чтобы оставить его себе, она готова каждую ночь возвращать ее душу.

— А зачем тебе мой Амулет Жизненной Силы? — спросила она.

— Он спасает мне жизнь, — ответила Ю Цинвэй.

Лу Угуй нашла это забавным:

— Мой амулет не меня защищает, а тебя?

Ю Цинвэй промолчала.

Лу Угуй часто сама предпочитала молчать, поэтому в ее понимании это означало: я знаю, но не хочу тебе говорить.

Через некоторое время Ю Цинвэй добавила:

— Единственный способ вылечить твой синдром отделения души и лунатизм — вернуть недостающие части души. Это очень сложно, но это единственный путь.

Лу Угуй протянула руку:

— Верни мне амулет.

Ю Цинвэй закатила глаза:

— Не веришь мне?

— Я слышала о призыве душ, но не слышала, чтобы кто-то сам искал свою сбежавшую душу. Ты хочешь украсть мой амулет.

Ю Цинвэй взмахнула веером, собираясь ударить ее, но лишь картинно раскрыла его и помахала перед собой:

— Этот амулет я выменяла на два килограмма леденцов! Сделка была честной: товар — деньги, то есть леденцы. Прошло двенадцать лет, а ты решила пойти на попятную? Хочешь забрать его просто так? Сначала верни мне все те леденцы, что съела в семь лет!

Лу Угуй опешила. «Я что, правда продала свой Амулет Жизненной Силы за два килограмма леденцов?» — подумала она.

Ю Цинвэй снова взмахнула веером:

— Этот веер дешевле амулета, стоил всего килограмм леденцов. А подвеска — вообще за пакет мятных конфет досталась.

Лу Угуй чувствовала себя так, словно мир рушится. Она уже не слушала, что еще говорит Ю

Цинвэй, и в смятении вышла из кабинета. Ей совсем не хотелось разговаривать. Она не знала, действительно ли променяла амулет на леденцы, но понимала одно: Ю Цинвэй его не отдаст.

Она почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, она увидела женщину старше ее. Та была в кепке, черной одежде, черных штанах и кожаных сапогах. За спиной у нее висел длинный меч и рюкзак. От нее исходило сильное ощущение холода, а в воздухе чувствовался легкий запах крови. Лицо женщины было неестественно бледным — явный признак потери крови и нехватки жизненной энергии. Лу Угуй подумала, что эта женщина точно побывала в каком-то склепе или логове призраков. Та смотрела на нее, затем подошла и села рядом, снова оглядывая с ног до головы.

Проследив за ее взглядом, Лу Угуй посмотрела на себя и поняла, что по привычке поджала ноги, готовясь к медитации, и сложила пальцы в мудру. Она смущенно улыбнулась и опустила ноги на пол. Сидеть в обуви на диване — это было некрасиво.

— Коллега? Хочешь устроиться в бюро? — спросила женщина. Она выпрямилась и с возмущением добавила: — Слушай сюда, Ю Цинвэй — та еще мошенница. Ни в коем случае не подписывай с ней контракт, это полная ловушка...

Раздался щелчок замка, прервавший ее речь. Обе посмотрели на кабинет Ю Цинвэй. Дверь закрылась, а шторы на окнах опустились, скрывая происходящее внутри. Женщина выругалась и вскочила, собираясь ворваться в кабинет, но вдруг что-то вспомнила, вернулась и сунула Лу Угуй визитку:

— Я Цзо Сяоцы! Тебе ведь нет двадцати? Зови меня сестрица Цзо! Послушай, ничего не подписывай. Просто оставь визитку этой мошеннице. Если она предложит работу — даже не обсуждай, говори только о деньгах.

Она похлопала Лу Угуй по плечу с видом «держись там», вихрем ворвалась к Ю Цинвэй и стала колотить в дверь:

— Думаешь, спрячешься? Мы договаривались идти вместе, а ты меня кинула! Я чуть жизнь не отдала...

Лу Угуй наконец поняла, почему сестренка Сяошэн говорила, что Ю Цинвэй — ненадежный человек.

В кармане у Цзо Сяоцы пиликнул телефон. Она взглянула на экран, лицо ее прояснилось:

— Ну хоть так. Ладно, деньги пришли, больше не буду тебя доставать. Открывай!

Дверь кабинета приоткрылась, и Цзо Сяоцы с размаху ударила ее ногой, врываясь внутрь. Дверь с грохотом захлопнулась. Лу Угуй услышала крик Ю Цинвэй: «Ай! Только не по лицу!» — и начался шум драки.

Через несколько минут Лу Угуй услышала, как Цзо Сяоцы воскликнула:

— Это же Колодец Желтых Источников! Как ты могла отправить меня туда одну! — затем

добавила: — Скажи, если не тебя бить, то кого?!

Лу Угуй услышала приглушенный голос Ю Цинвэй:

— У меня тут проблема посерьезнее Колодца. Ты ела? Я угощаю, пойдем поедим и поговорим.

— Плевать на еду! Я еле выбралась из Колодца, даже в больницу не заехала, сразу к тебе! У меня, кажется, ребра сломаны!

<http://bllate.org/book/19149/1880545>